

Зверев В. А., Потеряева А. С.
О ДЕВИАНТНОМ ПОВЕДЕНИИ В СРЕДЕ УЧИТЕЛЬСТВА СИБИРИ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.¹

Zverev V. A., Poteryaeva A. S.
ABOUT A DEVIANT BEHAVIOR IN TEACHING SPHERE OF SIBERIA IN THE
SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Опубликовано: *Зверев, В. А.* О девиантном поведении в среде учительства Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / В. А. Зверев, А. С. Потеряева // Сибирский педагогический журнал: науч. период. изд. 2011. № 10. С. 214–225.

В статье уточняется понятие девиантного (отклоняющегося от нормы) поведения применительно к условиям исторического развития России позднеимперского периода и конкретной социальной среды – школьного учительства Сибири; определяются причины такого поведения; характеризуются его основные позитивные и негативные формы, в том числе в области общественной активности, профессиональной педагогической деятельности и в быту; выявляются способы противодействия государства и социума отклоняющемуся поведению учителей.

Ключевые слова: школьное учительство, девиантное поведение, социальная активность, Сибирский регион.

The article specifies the notion of a deviant (abnormal) behavior in respect to the conditions of Russia's historical development of the late imperial period and the concrete social environment – school teaching in Siberia; also determines the reasons of such a behavior, characterizes its main positive and negative forms, including the sphere of social activity, professional work and in everyday life; discovers the ways of the state opposition and society to the deviant behavior of teachers.

Keywords: school teaching, deviant behavior, social activity, the Siberian region.

Любая личность и социальная группа в модернизирующемся и современном обществе имеют те или другие возможности декларировать свое мировоззрение, активно участвовать в жизни общества. В некоторых случаях социальное поведение людей может иметь девиантный характер, отклоняясь от принятых в данном обществе норм. Однако не нужно спешить безусловно осуждать этот факт: девиантное поведение

¹ Подготовлено по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН № 29 «Историко-культурное наследие и духовные ценности в России».

может иметь как отрицательные, так и положительные для личности и общества смыслы и последствия.

Постановка проблемы, определение ключевого понятия.

В советской историографии исследовались некоторые вопросы политической активности интеллигенции Сибири второй половины XIX – начала XX в., в том числе учителей. Перечислялись формы этой активности, но, например, участие в политической борьбе с господствующими порядками не рассматривалось как вариант девиантного поведения (ДП), а значит, не изучались вопросы государственного и общественного противодействия такому поведению некоторой части педагогов. Среди современных исследований интерес представляет диссертация историка О. В. Блиновой, где перечисляются виды противоправных и аморальных поступков учителей Западной Сибири [1]. В исследовании юриста Т. И. Ерёминой указаны меры юридической ответственности учителей за совершенные правонарушения [4]. Некоторые формы ДП в среде учителей, связанные с борьбой педагогов за их профессиональные права, выявлены в работах И. В. Неупкоева [9 и др.]. Но в трудах современных исследователей не определен комплекс факторов, вызывавших отклоняющееся поведение учителей, отсутствует классификация такого поведения, не прослеживается взаимосвязь мотивации общественной активности учителей с их ДП.

Поэтому *задачи настоящей работы* заключаются в том, чтобы: 1) уточнить понятие и выявить основные формы девиантного поведения применительно к условиям исторического развития России второй половины XIX – начала XX в. и конкретной социальной среды – школьного учительства Сибири; 2) определить условия и факторы ДП, встречавшегося в изучаемой среде; 3) кратко охарактеризовать основные позитивные и негативные формы такого поведения, в том числе в области политики, профессиональной деятельности и в быту; 4) выявить способы противодействия государства и общества отклоняющемуся поведению учителей.

В социологии и психологии существует несколько подходов к *определению понятия*, с помощью которого характеризуют отклонения от норм в поведении индивида или социальной группы, а также к *перечню видов такого отклонения*. В частности, психолог Е. В. Змановская определяет ДП (и мы с ней в этом солидарны) как «противоречащее принятым в данном обществе правовым, нравственным, социальным и другим нормам и рассматриваемое большей частью членов общества как предосудительное и недопустимое» [6, с. 24]. Определяя критериями классификации такого поведения вид нарушаемой нормы и негативные последствия нарушения, Змановская выделяет следующие формы ДП: 1) антисоциальное (запрещенное законодательством), 2) асоциальное (аморальное поведение, вызывающее критику со стороны общества), 3) аутодеструктивное (поведение, приводящее к саморазрушению личности) [6, с. 44]. Нам представляется, что такая классификация форм ДП слабо учитывает исторический контекст развития изучаемого явления. Один из авторов

настоящей статьи, изучая образ жизни крестьянства Сибири второй половины XIX – начала XX в., предложил различать в условиях модернизации традиционного общества следующие основные категории ДП: 1) девиантное *просоциальное поведение* – систему инновационных поступков, отклонявшихся от традиционной нормы, но объективно способствовавших социальному и моральному прогрессу, не нарушавших при этом существенные права и позитивные интересы других членов общества; 2) девиантное *антисоциальное поведение*, противоречившее позитивным интересам конкретных людей, социальных групп и общества в целом, являвшееся симптомом дезорганизации и деградации морали и общественного порядка [5, с. 202]. В категорию антисоциального поведения при таком варианте классификации, безусловно, попадает третья форма ДП, выделенная Е. В. Змановской (аутодеструктивная), но она здесь, в этой категории, должна быть дополнена негативными, с точки зрения перспектив развития личности и общества, разновидностями криминального, делинквентного и аморального поведения. В просоциальную же форму ДП с известной осторожностью можно включать такие разновидности того же криминального, делинквентного или аморального поведения, которые при внимательном рассмотрении обнаруживают свое позитивное значение для личностного становления или общественного прогресса – экономического, политического, демографического, культурного, социоментального и пр.

Обобщая материалы историографии темы (кроме вышеназванных работ, значимы труды Ю. М. Гончарова, А. В. Лисичниковой, Е. В. Щебляковой и др.) и данные исторических источников, перейдем к решению второй задачи нашего исследования.

Причины девиантного поведения в среде школьных педагогов Сибири.

В первую очередь к таковым относится, по нашему мнению, неудовлетворительная материальная обеспеченность учительства как профессиональной группы: учителя плохо питались, жили и работали в стесненных условиях, часто болели, многие были обременены семьей, которую было трудно содержать, должны были искать дополнительный заработок, что не могло не сказаться на качестве их профессиональной деятельности и социального поведения. Достаточно сказать, что типичный ежемесячный «доход» школьного учителя в Сибири, по данным 1916 г., равнялся всего 33 р.² Не имеющая специального образования молоденькая учительница И. К. Чувашева, приступив в 1898 г. к преподаванию в школе грамоты в Туринском уезде Тобольской губернии, получала всего 7 р. в месяц [15, с. 9]. Такой суммы даже несемейному человеку не могло хватить на полноценное питание и товары первой необходимости. Напомним, что рабочие на Ленских золотых приисках взбунтовались в 1912 г., в частности, по той причине, что получали за свой труд, по их мнению, недопустимо мало – от 35 до 40–45 р. в месяц [10, с. С. 194–195]. Другим фактором

² Положение народных учителей // Сиб. школа. – 1916. – № 1. – С. 18.

было недовольство части учителей политической и правовой системой российского государства, что могло приводить к нарушению ими законов империи. В Сибири было немало педагогов, которые занимали оппозиционную по отношению к самодержавию общественно-политическую позицию. В исследовательской литературе и источниках многократно встречаются указания на противоправную деятельность учителей из числа местных жителей или политических ссыльных, которые занимались преподаванием чаще всего нелегально, в так называемых «вольных» (домашних) школах или путем репетиторства [8, с. 9–14; 12, с. 54–56; 14, с. 8–43; 16, с. 133–159; и др.].

Третий фактор – это духовное одиночество многих учителей, которое провоцировало проявление у них аморального или аутодеструктивного поведения. Характерное для учителей дальних сибирских школ кризисное психологическое состояние (оно могло быть временным, но у иных становилось устойчивым и фатальным) ярко передает в своих мемуарах уже упоминавшаяся учительница И. К. Чувашева: «Глушь, дальность расстояний, неудобства дороги... Казалось, живешь заброшенная, всеми забытая. <...> Вот мрачная страничка из моего дневника того времени [1910–1912 гг.]: “Кончена жизнь. Это я ясно вижу и осознаю. Где прежняя энергия, сила воли, дорогие мечты о полезной деятельности? Во мне ли жизнь не была ключом? А теперь – все погребло, умерло. Прожила лучшие свои годы, не достигнув ни одной мечты, сбилась с пути и растеряла свои идеалы. Я, как живой мертвец, стою над своей собственной могилой, где похоронена радость бытия. Не спастись мне от этого медленного умирания, не вырваться из когтей апатии, захватившей меня. Сознание духовной смерти мучит меня”» [15, с. 78–79].

Имелись и факторы, так сказать, культурно-исторического характера. На начальных этапах модернизации российского общества в условиях переходности нормы и ценности господствовавшей традиционной культуры противоречили нормам и ценностям формирующейся культуры модернизированного общества. Под влиянием развития капитализма, связанных с ним процессов личной эмансипации и социальной мобильности, разрушения традиционных ценностей некоторые учителя, как и представители других новых, формирующихся в процессе модернизации социальных групп, нарушали традиционные нормы поведения. Определяя причины девиантного поведения среди учителей, можно воспользоваться концепцией Э. Дюркгейма и Р. Мертона: девиации широко распространяются в условиях аномии и дисфункциональности общественной системы. По определению современных социологов, аномия – «отсутствие четкой системы социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам» [3, с. 531]. Личностные качества конкретных педагогов также нужно принимать в расчет: они во многом определяли реакцию, в том числе и негативную, на конкретную конъюнктуру и события противоречивой социальной действительности.

Сибиряки, как и большинство других россиян, являвшиеся во второй половине XIX – начале XX в. носителями традиционных ценностей, воспринимали некоторые формы поведения, конкретные поступки учителей негативно, как отклоняющиеся от нормы, хотя это отклонение можно было уже в изучаемый период трактовать и в позитивном ключе.

Просоциальные, общественно-полезные формы девиантного поведения учителей.

Историкам известно, что немало представителей сибирского регионально-профессионального сообщества учителей на рубеже XIX–XX вв. участвовало в *борьбе за расширение политических прав, гражданских свобод* на стороне прогрессивных – либеральных, демократических и революционно-социалистических сил. Общественно-политическая активность прогрессивной части учительства объективно способствовала формированию в России после 1906 г. основ конституционного строя. Однако необходимые обществу права и свободы были достигнуты с использованием незаконных способов и средств. Наиболее яркие тому доказательства – участие учителей в деятельности нелегальных политических партий и организаций до 1905 г., в революционных событиях 1905–1907 гг. Участие сибирских педагогов в работе нелегального учредительного съезда Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию, создание явочным порядком местных организаций этого союза, хранение запрещенной литературы, создание противоправительственных кружков, участие в несанкционированных демонстрациях, обсуждение политических вопросов в ученических аудиториях – всё это было незаконными, а значит – криминальными деяниями. Они многократно описаны в литературе. Добавим только несколько примеров из истории крестьянского движения в Сибири, когда сельские учителя выступали инициаторами тех или других выступлений против законной власти и господствующего порядка.

Фундаментальная хроника крестьянского движения в Сибири за период осени 1905 – весны 1906 г., когда это движение достигало наивысшего накала, дает нам информацию как минимум о 28 выступлениях крестьян, инициированных учителями или проходивших с активным участием таковых [Подсчитано по: 7, с. 202–262]. Вот эпизоды только трех выступлений, имевших место в декабре 1905 г. в Иркутской губернии. В волостном селе Кимильтей Нижнеудинского уезда 6 декабря с участием 200 человек прошли митинги и демонстрации с призывом объединиться в Крестьянский союз и добиваться уничтожения самодержавия. Среди организаторов беспорядков – учитель М. Сизых. В с. Шивер Усть-Удинской волости Балаганского уезда противоправной агитацией занималась Шиверская группа Всероссийского союза учителей под руководством П. Р. Безруких и В. Глазкова, в результате чего крестьяне на сходе подписали «приговор» о присоединении к Всероссийскому крестьянскому союзу, упразднении сельской полиции и должности крестьянского начальника. В

Бельской волости того же Балаганского уезда учителя А. Нефедьев из с. Хайта, И. Хромов из с. Нижне-Булайского вкупе с фельдшером В. Степановым распространяли среди крестьян в большом количестве революционную литературу, заявляли, что в России будет республика, призывали земляков «не подчиняться начальству, не платить подати», отказаться от подворной повинности. В итоге часть крестьян с. Хайта отказалась от платежа податей и повинностей [7, с. 210–211, 231, 232].

Школьные педагоги *боролись и за расширение своих профессиональных прав*. Например, бывали случаи, когда они бойкотировали вакантные учительские места, выдвигая требование восстановить на работе несправедливо уволенного педагога.

Яркой формой социальной девиации являлось в изучаемый период *антирелигиозное поведение*, встречавшееся в среде учительства. Такое поведение в одних случаях могло быть вызвано усвоением распространившихся в образованном обществе атеистических представлений. В других случаях оно проявлялось у верующих людей вследствие их недовольства общественно-политической позицией Русской православной церкви, моральным обликом конкретных священнослужителей. Обвинения учителей в антирелигиозном поведении часто предъявлялись как раз священниками. К примеру, настоятель Петропавловской церкви с. Детловского Минусинского уезда Енисейской губернии докладывал в 1912 г. инспектору народных училищ, что «учительница Розановская не посещает в праздничные дни богослужение, не приучает учеников к религиозно-нравственному воспитанию»³. Такие же обвинения в 1914 г. предъявил законоучитель Мариинского женского приходского училища Томской губернии отец Иоанн Беневоленский своей коллеге по училищу учительнице Греховой⁴.

Атеистические убеждения некоторых педагогов (и представителей других групп интеллигенции), принципиальное игнорирование ими обязательных для верующего человека правил – регулярного посещения церкви, участия в таинствах исповеди и причастия – воспринимались в изучаемый период основной частью общества как признаки аморального поведения. Однако атеисты и агностики могли быть носителями другого типа морали – светской, а не религиозной. Их индифферентное или даже негативное отношение к церкви и священнослужителям было симптомом закономерной происходящей в эпоху модернизации секуляризации культуры, сознания и поведения людей. Наиболее умные и дальновидные деятели церкви воспринимали такое отношение как побудительный импульс к организации церковно-общественного диалога, как повод к тому, чтобы задуматься о необходимости реформирования окостеневших церковных структур и практики приходской жизни.

Антисоциальное поведение в среде школьного учительства.

³ Центр хранения архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 170. – Оп. 2. – Д. 386. – Л. 8.

⁴ Государственный архив Томской обл. (ГАТО). – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 34.

Остальные виды девиантного поведения, распространенные в среде учительства Сибири второй половины XIX – начала XX в., не только отрицательно влияли на развитие общества, состояние личности педагога, но были показателем невысокого уровня духовного развития лиц, совершавших отклоняющиеся от общественных норм поступки.

Наиболее распространенной формой *криминального поведения* было хулиганство. Сам термин «хулиганство» приобретает в России распространение в начале XX в., что было обусловлено резким ростом в это время нарушений общественного порядка представителями самых разных социальных групп населения России, ее регионов. Определенная часть учителей Сибири, как правило, из среды самых низко квалифицированных, хулиганские поступки совершала обычно в нетрезвом виде. Контингент той категории учительства, которая была предрасположена к хулиганству, ярко характеризует один из авторов авторитетного журнала «Сибирские вопросы»: «Частью это были отставные солдаты, частью деревенские сапожники и портные, которым учительство было довольно важным подспорьем к их ремеслу... но в большинстве случаев это были люди, выбитые совершенно из колеи жизни, перепробовавшие все профессии и часто с довольно темным прошлым. Штат этих учителей был крайне текуч и подвижен; весной они обычно выбывали, не доложивши об этом своему непосредственному начальству... а осенью, смотришь, опять масса прошений от тех же самых лиц. Что они делали летом, чем занимались, оставалось неизвестным...»⁵. Не удивительно, что такие горе-учителя нередко срывались на хулиганские поступки, совершаемые в том числе и в помещении школы. Тот же автор (К. Сиверный) далее в своей статье констатирует «постоянные жалобы крестьян на таких учителей: то побил окна в пьяном виде, то изувечил ребенка или подрался с кем-нибудь и т. п.»⁶. Другой источник подтверждает правильность уже обрисованной картины: хулиганство учителей на Алтае тоже проявлялось в «совершении поломок стекол, мебели, в результате распития спиртных напитков в здании школы»⁷.

К *делинквентному поведению* части учительства можно отнести нередкие случаи нарушения трудовой дисциплины. Такие проступки чаще всего имели место среди сельского учительства, поскольку в деревенских школах был слабее контроль за деятельностью педагогов, а уровень квалификации и, значит, профессиональной ответственности последних был весьма низким. Отсутствие материальной обеспеченности и духовной поддержки в трудном учительском деле со стороны общества и государства – еще одна причина халатного отношения к профессиональным обязанностям для части учительства. У таких педагогов «на дворе нечистоты, в кухонной комнате сор, в шкафах и окнах стекла выбиты, в училищной библиотеке нет в

⁵ Сиверный К. Очерки из жизни сибирского учителя // Сиб. вопросы. – 1912. – № 24. – С. 24–25.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ ЦХАФ АК. – Ф. 164. – Оп. 1. – Д. 136. – Л. 14.

наличности многих книг»⁸. Бывало, что учителя пропускали занятия и по семейным обстоятельствам. Чиновник по крестьянским делам, ходатайствуя в 1884 г. об увольнении сельской учительницы М. А. Головиной, так объясняет причину ее пропусков: «... семья отвлекает от дел преподавания, что за последнее время и было замечено по неаккуратности посещения классов»⁹.

Говоря об *аморальном поведении* в учительской среде, общество изучаемого периода имело в виду, прежде всего, безнравственный образ жизни некоторых педагогов. Такие обвинения в адрес тех или иных учителей чаще всего встречаются в документах начала XX в. Директор Барнаульской мужской гимназии в сентябре 1916 г. пишет попечителю Западно-Сибирского учебного округа: «... ввиду несомненно безнравственного образа жизни г. Лавровского, известного не только широким кругам Барнаульского округа, но даже и учащимся, возвращение Лавровского в гимназию является совершенно невозможным по педагогическим соображениям»¹⁰. Об интимных отношениях, возникших в 1903 г. между школьным библиотекарем Вилконским и ученицей Барнаульской женской гимназии, сообщает попечитель Западно-Сибирского учебного округа¹¹. Интимные отношения между педагогом и учащимся старших классов гимназии относили к признакам безнравственного образа жизни, однако здесь можно усматривать также признаки криминального поведения.

Главенствующей формой *аутодеструктивного поведения* в изучаемой среде являлось пьянство. В периодических изданиях тех лет и делопроизводственной документации можно встретить немало сообщений о случаях пьянства среди учителей. К примеру, в 1876 г. директор училищ Томской губернии сообщает об увольнении учителя Лепешинского сельского начального земского училища М. Никольского за нетрезвую жизнь¹². Сами крестьяне нередко жаловались на пьяных учителей. Например, в докладной записке крестьянина с. Круглоозерного Барнаульского уезда Томской губернии Г. Т. Зломанова в 1887 г. сообщается о «неспокойной и разгульной жизни» учительницы Натальи Носковой¹³. В воспоминаниях бывших школьников тоже зачастую фигурируют учителя-пьяницы, порок которых обычно сочетался и с другими проявлениями девиантного поведения. Ф. С. Глухих, обучавшаяся в 1914–1915 гг. в двухклассной школе д. Лопаревой Курганского уезда Тобольской губернии, вспоминает об одной из учительниц: «Мне она сразу не понравилась, да и другим ребятам тоже. Неопрятная вся какая-то, помятая вся. Табаком от нее сильно пахло, а у нас в ту пору и мужики-то не шибко курили, многие за грех считали. Да и водочку, видимо, попивала. Пальцы у нее желтые от табака были, если ткнет пальцем в тетрадь – пятно грязное остается. <...> А потом учительница и бить нас частенько начала, кого

⁸ ГАТО. – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 1015. – Л. 48.

⁹ Там же. – Л. 52.

¹⁰ Там же. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 35.

¹¹ Там же. – Ф. 36. – Оп. 2. – Д. 43. – Л. 74.

¹² Там же. – Ф. 125. – Оп. 1. – Д. 570. – Л. 22.

¹³ Там же. – Ф. 123. – Оп. 3. – Д. 48. – Л. 48.

рукой, а кого и большой линейкой» [2, с. 74]. Возможно, иные из обвинений, зафиксированных в источниках, имели и необъективный, даже клеветнический характер, возникнув в связи с личной неприязнью. Но случаи пьянства учителей даже в стенах школы, несомненно, имели место, о них сообщают в своих донесениях также школьные попечители и чиновники по крестьянским делам.

Следует упомянуть еще и о суициде как предельной форме аутодеструкции. В источниках встречаются описания или упоминания о случаях самоубийства в среде сибирских учителей. Они случались от безысходного одиночества, физического и духовного, в каком-нибудь глухом деревенском углу, от крайней нужды, семейной и брачной неустроенности, от несправедливых притеснений со стороны всемогущего начальства и т. д. Все перечисленные явления, к сожалению, имели большую распространенность.

Противодействие со стороны общества и государства девиантному поведению среди учителей.

Во второй половине XIX – начале XX в. допуск к учительскому труду, служба учителей в России довольно жестко регламентировались государством. Помимо свидетельства на право обучения, учителя должны были предоставить директору учебного заведения, в которое они поступали на службу, письмо губернатора о политической благонадежности. Однако в Сибири эти правила приема учителей на службу, особенно в деревенских школах, сплошь и рядом нарушались – иногда принимали любого мало-мальски грамотного, даже из числа уголовных ссыльных. Учитель должен был принадлежать к православному вероисповеданию, а представители иного вероисповедания давали подписку в том, что, обучая православных, они не будут внушать им правил, противных учению официальной церкви. Эта мера не распространялась на иудаистов и мусульман, так как они не могли обучать детей другого вероисповедания.

Учителя несли ответственность за недобросовестное исполнение своих обязанностей. В Уставе о службе определялись виды служебных проступков и преступлений, а также формы ответственности за них и порядок привлечения к ответственности. Попытки антирелигиозного воспитания детей могли привести учителя к увольнению. Увольнение, а то и полное воспреещение занятия педагогической деятельностью грозили учителю и за «неблаговидное поведение, разгульную жизнь, пьянство»¹⁴. Если подобное поведение нарушало общественный порядок, понимаемый как масштаб дозволенного, за него в Уставе 1864 г. о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, предусматривались арест до семи дней или денежное взыскание на сумму до 25 р. За публичные речи с употреблением непристойных слов и выражений, произнесенные учителем в учебном заведении в присутствии воспитанников или учащихся, виновные приговаривались к аресту до одного месяца или денежному взысканию до 100 р. [13, с. 385]. Вопросы «безнравственного образа жизни»

¹⁴ Там же. – Ф. 170. – Оп. 2. – Д. 386. – Л.15.

рассматривались в VIII разделе IV главы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (Свод законов Российской империи, т. XV). В Уголовном уложении 1903 г., в отделении первом «О соблазнительном и развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве», в ст. 1002 говорилось: «Учителя и наставники, а равно и опекуны, которые будут изобличены в распространении сочинений или изображений, явно противных добрым нравам и благопристойности в учебных заведениях или между малолетними или несовершеннолетними, вверенными их надзору, подвергаются за сие удалению от должностей или званий своих и заключению в тюрьме на время от 2 до 4 месяцев» [11, с. 103]. В соответствии со ст. 1000 Уголовного уложения учитель, изобличенный в сводничестве несовершеннолетних лиц, находящихся под его надзором, лишался всех прав и преимуществ и ссылке в исправительные арестантские отделения.

За политические действия, нарушающие существующее законодательство, учителя могли быть арестованы и привлечены к суду. Наказания за преступления политического характера перечислялись в разделах IV и VIII Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. К примеру, в IV разделе главы I в ст. 274 упоминалось: «Имевшие у себя запрещенные сочинения... подвергаются за сие... аресту на время от семи дней до трех месяцев, и потом могут быть отдаваемы под надзор полиции на время от одного года до трех лет...»¹⁵. Также данные вопросы рассматривались в статьях Уголовного уложения 1903 г. Реально уголовное преследование за незаконную политическую деятельность не заставляло себя ждать. Так, в конце 1905 – начале 1906 г. были арестованы учителя – «закоперщики» революционных выступлений крестьянства и казачества. В Иркутской губернии арестовали, в частности, Д. Н. Серебренникова (волостное село Тулун Нижнеудинского уезда) – за революционную агитацию; В. М. Михайлова (с. Казаческое Евсеевской волости Балаганского уезда) – за агитацию, которая привела к отказу крестьян платить налог, к упразднению ими полицейских должностей сотских и десятских; Д. Егорушкина (с. Тыреть одноименной волости Балаганского уезда) – за организацию пропагандистского кружка; И. Петелина и П. Свистунова (Верхоленская волость одноименного уезда) – за организацию Верхоленского крестьянского союза, рассылку по почте воззваний, сообщений об отказе жителей волости от выборов сотских и десятских, от отбывания натуральных повинностей [7, с. 206, 207, 209, 218, 238].

Девиантное поведение учителей стремились профилактировать и пресекать не только государство, но и общество. Обыватели в сибирской деревне высказывали недоверие учителям, поведение которых считали антисоциальным. Родители не отдавали своих детей в школу к таким учителям; сельчане жаловались на такого учителя, писали докладные записки чиновникам по крестьянским делам; крестьянский сход мог составить прошение инспектору народных училищ с просьбой заменить учителя в деревенской школе. Бывали случаи ареста учителей «за политику» по доносу

¹⁵ Там же. – С. 236.

кого-нибудь из родителей, хотя в целом полицейский «контроль за порядком» в деревнях был нерегулярным. В сельской местности жизнь и деятельность учителя проходила под негласным контролем местного священника, занимавшего должность заведующего церковной школой или законоучителя в школе «министерской», поэтому проявление антисоциального поведения учителя зачастую вызывало противодействие со стороны священнослужителя. Иногда священники и крестьяне объединялись в борьбе с антисоциальным поведением учителя. Существовала должность попечителя училища, которую занимал по решению сельского схода обычно кто-нибудь из зажиточных грамотных крестьян. Попечитель тоже фактически участвовал в контроле деятельности учителя.

В городах антисоциальному поведению учителей активно противодействовала полиция. Не стояли в стороне общества попечения о народном образовании, которые могли обратиться к директору учебного заведения или к инспектору с требованием уволить педагога, поведение которого носит антисоциальный характер. Родительский комитет, как социальный институт, появившийся в Сибири в начале XX в., от имени родителей учащихся мог в письменной форме выразить недовольство поведением учителя. За поведением учителей внимательно следила администрация учебного заведения, которая могла уволить нерадивого педагога. Попечитель учебного округа мог способствовать увольнению учителя в случае политической неблагонадежности или безнравственного поведения последнего. Инспектор мог выступать за отстранение от педагогической деятельности политически неблагонадежного педагога. Учитель мог быть отстранен от занимаемой должности на определенное время, по истечении которого вновь приступить к своим обязанностям. Городское общество, по сравнению с сельским обществом, в меньшей степени контролировало поведение учителей и то влияние, которое оно оказывало на учащихся.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод. В условиях модернизации традиционного общества различаются следующие основные категории отклоняющегося поведения: девиантное просоциальное и девиантное антисоциальное поведение. К причинам, вызывавшим девиантное поведение, относятся неудовлетворительная материальная обеспеченность учительства как профессиональной группы, недовольство части учителей политической и правовой системой российского государства, духовное одиночество многих учителей. Имели место факторы исторического характера: некоторые учителя, будучи представителями модернизированного общества, нарушали традиционные нормы поведения. К общественно-полезным (в исторической перспективе) формам девиантного поведения можно отнести участие учителей в борьбе за расширение политических прав, гражданских свобод; в борьбе педагогов за расширение своих профессиональных прав; а также (с оговорками) антирелигиозное поведение. Остальные виды девиантного поведения, встречающегося среди учителей, однозначно отрицательно влияли на развитие общества, состояния личности педагога. Формами антисоциального

поведения были хулиганство, безнравственный образ жизни некоторых педагогов, пьянство, суицид, а также нарушение трудовой дисциплины. Государство, противодействуя девиантному поведению учителей, опиралось на развитие законодательства. Если государство активно противодействовало как просоциальному, так и антисоциальному отклоняющемуся поведению учителей, то общество посредством своих социальных институтов противостояло прежде всего антисоциальному поведению. Наиболее распространенной формой такого противостояния служили жалобы родителей на учителей и просьбы об увольнении учителя, переданные в прошениях инспектору народных училищ.

Библиографический список

1. **Блинова, О. В.** Социокультурный облик учительства Западной Сибири в 1880–1914 гг. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. В. Блинова. – Омск: Омск. пед. ун-т, 2010. – 25 с.
2. **Глухих, Ф. С.** Из неведомого мира [Текст] / Ф. С. Глухих // Красен человек учнем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 1995. – С. 72–75.
3. **Громов, И. А.** Западная социология [Текст] / И. А. Громов, И. А. Мацкевич, В. А. Семенов. – СПб.: ООО «Изд-во ДНК», 2003. – 560 с.
4. **Еремина, Т. И.** Законодательное регулирование правового статуса учителя в начале XX в. [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / Т. И. Еремина. – СПб., 2006. – 142 с.
5. **Зверев, В. А.** Дети – отцам замена [Текст]: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.) / В. А. Зверев. – Новосибирск: Новосиб. пед. ин-т, 1993. – 244 с.
6. **Змановская, Е. В.** Девиантология: (психология отклоняющегося поведения) [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. В. Змановская. – М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 288 с.
7. **Крестьянское** движение в Сибири, 1861–1907 гг.: хроника и историография [Текст] / Л. М. Горюшкин, В. В. Кучер, Г. А. Ноздрин [и др.]. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – 328 с.
8. **Липинская, К. А.** Далеко в заснеженной Сибири... [Текст]: рассказ коммунистки / К. А. Липинская. – Красноярск: Кн. изд-во, 1974. – 168 с.
9. **Неупокоев, И. В.** Учащие лица Тобольской губ. во второй половине XIX – начале XX в.: вопрос о приобретении статуса [Текст] / И. В. Неупокоев // Зырянские чтения: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. – Курган: Курган. ун-т, 2003. – С. 62–64.
10. **Предвестник** революционной бури [Текст]: (исторический очерк, документы, воспоминания) / сост. Г. А. Вендрих [и др.]; под общ. ред. Ф. А. Кудрявцева. – Иркутск: Кн. изд-во, 1962. – 210 с.
11. **Российское** законодательство X–XX вв. [Текст] / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1998. – Т. 6. – 432 с.

12. **Рютин, М. Н.** На колени не встану [Текст] / М. Н. Рютин. – М.: Политиздат, 1992. – 351 с.

13. **Таганцев, Н. С.** Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1885 г. [Текст] / Н. С. Таганцев. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1912. – 385 с.

14. **Ушакова, Л. А.** Культурно-просветительская роль политических ссыльных народников в Сибири (70-е – середина 90-х гг. XIX в.) [Текст] / Л. А. Ушакова. – Новосибирск: Новосиб. консерватория им. М. И. Глинки, 1986. – 74 с.

15. **Чувашева, И. К.** Слава Богу за всё! [Текст]: воспоминания деревенской учительницы / И. К. Чувашева. – Новосибирск: Изд. дом «Сиб. горница», 2008. – 96 с.

16. **Щербаков, Н. Н.** Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.) [Текст] / Н. Н. Щербаков. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 244 с.